

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.)

С каждым годом покидающие наш мир участники или свидетели лихолетья России начала века уносят с собой свою память о нём. Тем ценнее оставляемые ими, даже краткие, исторические записи.

Николай Георгиевич, например, в своём повествовании «Моя гимназия» на 25 страницах рассказал в ностальгическом стиле и с чувством огромной благодарности и задушевности о своих преподавателях из «Санкт-Петербургской 6-й гимназии», в которой проучился с 1909 по 1918 годы. Впечатляет обширная программа обучения: русский язык и литература, начиная с былинного эпоса; латинский язык с переводом Цицерона, Овидия, Саллюстия, Тита Ливия, Вергилия и Горация; французский и немецкий языки; история России, древних цивилизаций (Египет, Ассирия, Вавилон), Греции, Рима и Византии; история Средних веков и Нового времени; математика, физика, география, естествознание, а также Закон Божий и история церкви.

Приход с мамой на вступительные экзамены в гимназию под его пером выглядит так:

«Первые впечатления были ошеломляющими. Большой стол, покрытый синим сукном, и сидящие за ним важные господа в форменных сюртуках, среди них священник с большим на груди крестом. Экзамены были по русскому языку, арифметике и Закону Божьему... Ужас, первоначально наведённый всем видом приёмной комиссии, скоро начал проходить. Важные и устрашающие преподаватели смотрели мягко и сочувственно, подбадривали, хвалили за удачные ответы на вопросы...»

После удачной сдачи экзаменов

«можно было торжественно и благоговейно облачиться в полную форму: чёрные суконные брюки и курточка с поясом, на бляхе которого красовались буквы «СПБГ», серая шинель и фуражка со значком «ПБГ». Гимназисты всей России носили форму серого цвета, и только мы, столичные – чёрного... Машина обучения работала чётко и ритмично...»

Социальный состав учеников был довольно пёстр:

«...от мальчиков из верхних слоёв общества, двое – сыновья каких-то крупных сановников, приезжавшие в гимназию в своих экипажах (или санях) с толстыми кучерами, а с четвёртого класса появились среди нас 2 графа – гр. Нирод, тихий, особняком державшийся мальчик, и гр. Мусин-Пушкин – полный, добродушный и вполне свой, до сыновей настройщика роялей и гардеробщика Александринского театра».

Эрудития солидных, умных, в большинстве доброжелательных учителей, о которых у дяди Коля «...остались и сохранились в течение долгой жизни воспоминания самые хорошие, яркие и очень тёплые...», поражает. Он отмечает, что «...профессия преподавателя гимназии была вполне, как теперь говорят, «престижной» – выпускники университетов охотно шли работать в гимназии».

Он пишет, что до начала войны 1914 г. гимназия ежегодно организовывала в летнее время экскурсии за границу по памятным историческим местам из группы человек 15-20 учеников старших классов под руководством преподавателей истории или латинского языка.

Вероятно, такой фундамент и сделал впоследствии из Николая Георгиевича, окончившего в 1928 году Ленинградский Лесотехнический институт, глубокого знатока истории Римской, Византийской империй, Средней Азии и Армении, при том свободно читающего по-французски. Это помогало ему в наши тяжкие времена сохранять философское спокойствие и находить занятия по душе. Некоторые его очерки, переводы и эссе хранятся у меня.

В конце своего очерка дядя Коля добавляет:

«До старших классов мы добрались, но мечтам, как и очень многим желаниям и предположениям, не суждено было сбыться. Поездки за границу не могли состояться из-за начавшейся в 1914 году войны. С весны же 1918 года можно было желать только как бы не погибнуть [...]. Попали мы после Горация и Вергилия в разруху, нужду, голод, гражданскую войну, а затем, после короткой передышки (когда во время НЭПа жизнь стала походить на нормальную), в террор и опять войну – долгую и страшную. Жизнь для нас – вместе выросших, прошедших путь от 10-летних до начавших мужать юношей, сложилась тяжело и трудно, а для многих закончилась преждевременно и трагически...».

В продолжение своих воспоминаний о гимназии Николай Георгиевич описал несколько эпизодов, произошед-

ших на его глазах в 1917-1918 годы – самих по себе, быть может, и незначительных, но характеризующих обстановку тех дней по впечатлениям юных петроградцев:

«Шёл зимний сезон 1917-18 годов. Жизнь становилось всё труднее. «Октябрьская революция» уже произошла, но мы тогда не понимали всего ужаса свершившегося и всей глубины катастрофы и национального бедствия, в которые была ввергнута страна... Казалось, что небольшая и мало популярная кучка мечтателей, политиканов и фантазёров настолько нелепа, что продержаться у государственной власти сможет лишь очень короткое время. Большие надежды возлагались на скоро предстоящие выборы в Учредительное собрание. Было очевидно, что «большевики» будут представлены в нём в весьма скромном меньшинстве...

Вспомнился эпизод. Было это ближе к весне... Оказался я в одном из любимых мест города – на набережной Невы близ Летнего сада. Нева, как всегда, величественно катила свои свинцовые волны. Вдруг откуда-то появилась небольшая толпа дико орущих людей, тащивших, несущих юнкера, как мне показалось, или молоденького офицера. Я стоял, пригвождённый ужасом, глядя, как его раскачивают перед броском в реку. Как он кричал, как неистово кричал он в своей предсмертной муке!»

В другом случае дядя Коля рассказал, как в один из воскресных зимних дней начала января 1918 года они с дядей Яшей, живя в Чернышёвом переулке, вышли пройтись по набережной Фонтанки к Невскому:

«Дойдя до Симеоновского моста, увидели, как через него проходила большая демонстрация с флагами и плакатами – «Да здравствует Учредительное собрание!». Двигалась она по направлению к Летнему».

Далее Николай Георгиевич описал, как, присоединившись из любопытства к демонстрантам, они вынуждены были скоро остановиться, т.к. впереди «...послышалась учащённая стрельба, потом вдруг раздались несколько залпов, начал тикать пулемёт... поперёк улицы выстроилась группа матросов с угрожающе поднятыми винтовками... После того, как, подхватив знамёна, демонстранты сделали попытку прорваться, они встречены были снова залпами... Теперь уже часть народа попряталась в подворотнях, часть разбежалась, в том числе и мы, а на опустевшей улице остались лежать несколько человек раненых или убитых... Так я «защитал» Учредительное собрание!».

– заключил Николай Георгиевич свои заметки. Однако весёлого в этом столкновении было мало, т.к. свидетельствовало о начале захвата власти большевиками.

И третий фрагмент:

«В одно из посещений театра в ту же зиму произошёл следующий памятный и довольно опасный случай. Кажется, это было в «Александринском». Я был с двумя своими товарищами-однокурсниками. Один из них – Игорь Фояков (Фояков Игорь Антонинович (1900-1965), горный инженер, ок. Ленинградский Горный институт в конце 1920-х. В 1919 ненадолго примкнул к армии Юденича, из которой бежал. До поступления в институт был арестован, вскоре освобождён. С 1950-х до последнего времени горный инженер в НИПИ «Механобр».) – был несколько необычен и довольно колоритен. Небольшого роста, с широкой выдающейся грудью, могучими руками и огромными кулаками. Он славился в гимназии своей физической силой, чем вызывал у нас искреннее восхищение.

В антракте мы мирно прогуливались в фойе, разглядывая публику. К всегдашней, обычной для театра публике, уже стали примешиваться новые, непривычные в этой обстановке люди. Среди пиджаков, смокингов и военных форм появились тужурки, гимнастёрки, рубашки-косоворотки. И вот вдруг почти рядом с нами одна из таких «косовороток» с грубым криком и ругательством срывает с молоденького офицера погоны.

Наш Игорь бросается к нему: «Да что же этот мерзавец, ребята, делает, да я из него сейчас котлету сделаю!» – хватает его своей ручищей за шиворот, угрожающе размахивая кулаками у самого его носа, – «отдай погоны офицеру и извинись, а то от твоей рожи ничего не останется!»

Крики, смятение, незревает драка. Разнородные части публики, до сего времени смешанные, как-то вдруг разделяются, злобно оглядывая друг друга.

Помню ощущение неизбежности принять участие в готовом разразиться «бою», не могли же мы не вступить за своего товарища.

Однако всё обошлось. «Косоворотка» струсила, отдала погоны, бормоча что-то вроде извинения, офицерик счёл, что его честь не пострадала, а пролетарская часть публики, видя себя в меньшинстве, драки не начала.

Пьесу мы, конечно, досматривать не стали, а быстро смотались из театра, опасаясь преследования со стороны властей».

В завершении передам забавный устный рассказ дяди Коли:

«В те же достопамятные «революционные дни» проезжал я однажды мимо особняка Кшесинской. Вижу, на балконе стоит человек небольшого роста, бурно жестикулирует, очевидно, ораторствует. Поинтересовался у публики: «Кто такой?». Отвечают: «Да, видно, Ленин это выступает!».

Другой голос из пассажиров, слышу, вопрошает: «Да кто же он? Откуда взялся? Внизу-то толпа основательная собралась?!»

– А, чёрт его знает! Болтунов-то сейчас развелось видимо-невидимо! – прозвучало в ответ в нашем трясущемся и громяющем трамвае.

Вот так, единственный раз «я видел Ленина!».

Упомянутое имя Ленина вызвало в памяти поучительный момент, отмеченный в мемуарах Ариадны Сергеевны Эфрон (дочери М.Цветаевой) – «Страницы былого». (Эфрон А.С. Страницы былого // Звезда. 1975. №6. С.149.). Там, при описании предотъездных сборов в эмиграцию, перечислены её предметы, бравшиеся Мариной с собой, и среди них:

«...первые советские детские книжки – в том числе букварь с картинками, где на букву «И» был стишок «Ильич железною метлой сметает нечисть с мостовой», – и нарисован Ленин в дворовском фартуке с огромным помелом в руках, а из-под помела летят в канаву раскоряченные фигурки инфузории: цари, генералы, капиталисты...»

Увы, только теперь, в эпоху «гласности», до многих дошло – сколько этой самой метлой вывели из России ценнейшего человеческого материала вместе с их безвозвратно утраченным, подчас гениальным наследием, или просто изничтожили в новосозданном государстве.

И заключающий абзац воспоминаний Николая Георгиевича:

«Старикам, по всей вероятности, всегда грустно заглядывать в своё далёкое прошлое детства и юности. Сейчас эти ощущения ещё острее, т.к. то прошлое и тот образ жизни ушли навсегда. С ушедшими из жизни сверстниками и старшим поколением исчез навсегда тот свой близкий и любимый слой общества с его бытом и культурой. И мне всё это погибшее бесконечно жаль, что ещё более усиливает щемящую боль воспоминаний».

А вот мемуаристам из нашего поколения, скорее всего, такими ностальгическими выражениями заканчивать свои воспоминания не захочется – слишком мало хорошего приходит на память.

1. ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ СЫНОВЕЙ

*О родина, была ты близорука,
Когда казнила лучших сыновей,
Себе готова худшую из казней...*

Микельанжело, «Советы».

(Перевод А.Вознесенского // Иностранная литература. 1975. №3. СС.208-214)

Мой отец, Павел Павлович Евангулов, был старшим сыном Павла Георгиевича и Елизаветы Ефимовны Евангуловых. Вот передо мною «Свидетельство» – на церковном красивом бланке с гербовой маркой обозначено:

«В первой части метрических книг церкви Св. Чудотворца Николая, что при Ремесленном Училище Цесаревича Николая, за 1891 год под № 5 мужского пола значится: 1891 года января 11 дня у Потомственного Почётного Гражданина города Тифлиса Павла Егоровича Евангулова, Армяно-Григорианского исповедания, и его жены Елизаветы Ефимовны, Православного вероисповедания, обоих первообратных, родился сын Павел, который и крещён того же года февраля 2 дня. Восприемниками были: студент Горного института Александр Ефимович Калистратов, Православного исповедания, и жена 2-й гильдии Тифлисского купца Сусанна Исааковна Ходженатова, Армяно-Григорианского исповедания. Всё сие свидетельствуется подписом и приложением церковной печати».

(Продолжение в следующем номере).